

РЕЦЕНЗІЇ, ІНФОРМАЦІЇ

Евгений Плешкевич

**ДОКУМЕНТОЛОГИЯ КАК НАУКА И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА:
РАССУЖДЕНИЯ В СВЯЗИ С ПУБЛИКАЦИЕЙ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ**

Рец. на кн.: Столяров Ю. Н. Документология : учеб. пособие / Московский гос. ун-т культуры и искусств; Орловский гос. ин-т искусств и культуры. – Орел: Горизонт, 2013. – 370 с.

Представлена развернутая рецензия на учебное пособие по документологии, подготовленное Ю. Н. Столяровым. Раскрыты перспективы формирования всеобщей теории документа как одной из документоведческих теорий и в качестве учебного курса.

Ключевые слова: документ, всеобщая теория документа, документология, законы документологии, Ю. Н. Столяров, преподавание библиотечно-библиографических дисциплин.

Существенной чертой научных дисциплин документального цикла является повышенное внимание к теоретическим и методологическим вопросам, что проявляется не только в разработке различных по масштабам и отраслевой направленности теорий и концепций документа, но и соответствующих учебных курсов. Значительным шагом в этом направлении стала публикация курса лекций по документологии¹, подготовленного известным российским ученым-библиоковедом, доктором педагогических наук Ю. Н. Столяровым. Публикация вызвала широкий интерес не только в России, но и в Украине, где нашими коллегами была подготовлена на него и затем в России опубликована соответствующая рецензия². В ней авторы пришли к выводам, отличным от нашего мнения, что побуждает нас дополнительно аргументировать нашу позицию с учетом высказываний наших украинских коллег.

История разработки документологии, как учебной дисциплины, насчитывает около 20 лет. С 1999 г. авторский курс документологии Ю. Н. Столяров начинал читать на Высших библиотечных курсах в Российской государственной библиотеке (РГБ). С того времени он накопил значительные материалы, обобщение и суммирование которых выразилось в публикации указанного курса лекций. Эта учебная дисциплина носит пропедевтический характер, являясь введением в изучение библиоковедения и других библиоковедческих и книговедческих дисциплин.

Обобщая сказанное, отмечаем, что, во-первых, курс документологии является авторским. Его основные положения были разработаны лично Ю. Н. Столяровым и частично апробированы в

ходе преподавания, а также обсуждения на страницах библиотечно-библиографических и документоведческих журналах. Обсуждение его в профессиональной печати показало, что идея документологии как всеобщей науки о документе до сих пор вызывает дискуссию, острота которой не снижается³.

Во-вторых, ориентация курса документологии на библиотечное дополнительное профессиональное образование, на слушателей, являющихся сотрудниками РГБ и других библиотек, и имеющих, как правило, иное, т.е. не библиотечное образование, но замещающих библиотечные должности. Основу курса составили фонограммы лекций, записанные автором и возможно слушателями в различные годы. Особо отмечаем, что в России курс документологии не входит в образовательные стандарты высшего профессионального образования, поэтому его понимание и статус несколько отличаются от того, которые сегодня имеют место в Украине⁴. В качестве пропедевтической дисциплины на библиотечных факультетах читается общее документоведение⁵, которое сейчас все чаще определяется как библиотечно-библиографическое. В качестве таковой в направлении «Документоведение и архивоведение» выступает курс документоведения, которое определяется чаще всего как «классическое» и имеет управленческую направленность⁶.

В-третьих, это специфическая авторская терминология, в которой доминируют авторские неологизмы, например, *документист* вместо документоведа или документолога, *документский* вместо документный, *семантический* вместо

семантический. То есть, авторская терминологическая лексика существенно отличается от общепринятой.

Теперь остановимся непосредственно на содержании пособия. Его основу составляют двадцать лекций, которые по своему смысловому содержанию условно можно разделить на три части. Первая включает частично предисловие, введение и первую, вторую и пятую лекции. Они посвящены документологии, истории ее возникновения и развития, научному и учебному статусу. Согласно изложенных в этой части материалов, под документологией понимается всеобщая теория документа, имеющая своим предметом документ вообще, документ как таковой, в том числе и документ как элемент библиотечного фонда. В ее задачи входит выявление того общего, что свойственно документам всякого рода, т.е. законов, закономерностей, принципов, статусных характеристик, признаков классификации и тому подобных моментов. Совокупность этих задач позволяет включить ее в состав более широкой науки, исследующей социальные коммуникации⁷.

Основной акцент в данном пособии сделан как раз на разработке законов документологии. В качестве таковых Ю. Н. Столяров выделяет, во-первых, общий закон документологии, названный также законом документизации⁸. Он гласит, что всякий социально и исторически значимый акт нуждается в документарном оформлении, требует документарного сопровождения, обеспечения, документарной поддержки. Во-вторых, еще три, почти как у сэра Исаака Ньютона, пронумерованных закона. Первый закон четко не сформулирован, сказано лишь, что им обосновывается необходимость разработки документоведения в самых разных сферах, а также создания обобщающей науки – документологии. Второй закон – это закон обусловленности существования документа его качественными преимуществами. Его суть заключается в том, что любой вид документа может быть вытеснен другим видом документа только в том случае, если новый вид во всех отношениях лучше прежнего. И, наконец, третий закон автономности информации и носителя. Его суть в том, что одна и та же информация может быть записана на разных носителях и, в то же время, на одном и том же носителе может быть записана различная информация.

Наши украинские коллеги в своей рецензии очень высоко оценивают значимость этих законов. По их мнению, Ю. Н. Столяров убедительно обосновал не только действие их, но и следствия

из них; и далее: открытие им сразу нескольких базовых законов документологии позволяет констатировать факт ее институционализации как самостоятельной научной дисциплины⁹.

У нас несколько иное мнение по поводу содержания и статуса, изложенных в пособии, документологических законов. Как известно, научный закон – это необходимое, существенное, устойчивое, повторяющееся отношение между явлениями. Он выражает связь между предметами, составными элементами данного предмета, между свойствами вещей, а также между свойствами внутри вещи. Насколько этим требованиям соответствуют законы документологии? Обратимся к анализу общего закона документизации, согласно которому социально и исторически значимый акт нуждается в документарном оформлении. Во-первых, акт не может в чем-то нуждаться, поскольку это действие, совершающееся по желанию его участников во времени и пространстве. Другое дело, что государство требует от граждан, должностных лиц и организаций документального сопровождения определенного вида управленческих, экономических и других социальных, в широком смысле, видов действий и в случае невыполнения его может признать само действие и его результаты незаконными и применить к нарушителям определенные санкции. Причем требование документального оформления в совокупности с рекомендациями к виду документа, правилам и процедурам его составления и оформления определены законодательно. В этом случае мы имеем дело с юридическими требованиями, а не научным законом. Первым законом документологии обосновывается необходимость ее разработки. Аналогичные законы в других научных дисциплинах нам не известны, да и вряд ли существует закон, обосновывающий необходимость разработки математики, библиотекведения и документоведения, поскольку их разработка обосновывается потребностями практики. Поэтому полагаем, что данное высказывание сложно назвать чем-то иным, нежели как внутренней установкой ее автора. Вторым законом документологии определяется, что всякий вид документа может быть вытеснен другим видом документа только при условии, что последний во всех отношениях лучше прежнего. Во-первых, следуя общему принципу эволюционного развития, на смену одним формам и видам деятельности приходят новые, более совершенные формы. Во-вторых, новая форма оценивается не по одному признаку или параметру, а комплексно. В силу этого эволюционный переход от одних форм к

другим носит плавный, как правило, растянутый во времени характер. В-третьих, с комплексной оценкой явлений и событий мы сталкиваемся в ходе повседневной деятельности на уровне здравого смысла. Третий закон документологии об автономности информации и его носителя есть проявление самой обычной вариативности и взаимозаменяемости объекта или явления, являющихся множеством, и структура которых состоит из двух и более элементов. Явление взаимозаменяемости или субституции исследуются в экономике, лингвистике, биологии, и при этом оно не принимает форму закона. Таким образом, изложенные в пособии документологические законы, за исключением первого, мы полагаем, являются очевидными утверждениями, тенденциями, базирующимися на здравом смысле и элементарном обобщении повседневной практики, в силу чего не могут считаться научными законами. Еще следует отметить, что данные документологические тенденции справедливы лишь к так называемым документам «по умолчанию». Ни к животным в зоопарке, ни к экспонатам из коллекции, которые в данном пособии трактуются как документы, они не применимы, или по крайней мере их применимость и справедливость не была продемонстрирована в пособии.

В этой же части автор стремится обосновать фундаментальность документологии как науки. Он начинает издали, ссылаясь на Поля Отле, который предложил извлечь из других научных дисциплин все теоретические и практические знания, относящиеся к книге, информации и документации и объединить их в библиологию или документологию¹⁰. Как видно из приведенного нами примера, Отле имел в виду комплексную дисциплину, включающую не только теорию, но и практику. В качестве примера научных дисциплин, по образцу которых стоит строить документологию, он приводит биологию и социологию. Отметим, что эта идея была высказана в середине 1930-х гг. в контексте видения Отле той науковедческой ситуации. Сейчас мы имеем другую ситуацию: созданы и активно развиваются информатика, научно-информационная деятельность, документоведение. Кроме этого и библиоконоведение, и библиографоведение обладают более развитой, чем во времена Отле теоретической частью, да и социология с биологией несколько иные, чем раньше. Резюмируя полагаем, что науковедческие идеи Отле необходимо воспринимать критически, исходя из текущей науковедческой ситуации в дисциплинах информационного и документального цикла. Таким об-

разом, доводы в пользу фундаментальной документологии должны быть весьма веские. Какие же они у Ю. Н. Столярова?

По его мнению, фундаментальность заключается, во-первых, в том, что только в документологии появляется возможность гармонизировать самые противоречивые взгляды на сущность и объем понятия документ. Во-вторых, в том, что именно в рамках документологии можно сформулировать и обосновать самое широкое его толкование. В качестве иллюстрации этого тезиса он сравнивает документологию с документоведением. Различие между ними, по его мнению, заключается в том, что документоведы занимаются тем же, что и документологи, но применительно к конкретному набору документов в своей ограниченной делопроизводственной области¹¹. Таким образом, с одной стороны – управленческий документ, а с другой – документ вообще.

Вторая часть, посвященная понятию документ, его определению, сущности, функциям, истории его возникновения и эволюции, а также жизненному циклу и документным функциям, изложена в девяти лекциях. В них представлена методологическая концепция документологии, включающая следующие основные положения.

Во-первых, понятие «документ» является относительным, конвенциональным и условным. Второе положение связано с тем, что основу документа составляет информация, обладающая смыслом и способная служить свидетельством, доказательством, подтверждением, изложением чего-либо¹².

В контексте этих положений Ю. Н. Столяров полагает, что в реальности как такового документа либо не существует, либо им является все что угодно, потому что информацию (некое смысловое сообщение) способно нести решительно всё, причем не только в объективном, но и в субъективном мире. В этом случае в качестве документа могут рассматриваться не только записи и изображения, но и в некоторых случаях минералы из коллекции или животные в зоопарке. На протяжении указанного пособия условность, относительность и конвенциональность понятия «документ» постоянно обыгрывается. Так, в одиннадцатой лекции, посвященной статусу документа как научному понятию, отмечается, что *документом в самом большом и общем смысле этого слова может считаться любой объект, но при одном обязательном условии: если от (из) него можно получить нужную информацию*. Любопытно, поясняет он далее, это значит от наночастицы до Вселенной¹³. И в этой же лек-

ции он отмечает, что «по умолчанию можно понимать документ как информацию, некими записями записанную на носителе»¹⁴. Иллюстрируя условность понятия документ, он отмечает, что книга «Война и мир» для библиотечного фонда является документом, а для отдела кадров той же библиотеки не является¹⁵ и т. д. Суммируя эти положения, можно сказать, что всеобщая теория документа нацелена на достижения максимальной степени абстрактности, в рамках которой, с одной стороны, практически все может рассматриваться в качестве документа, а с другой – наоборот, то, что им является на практике, может в этих абстракциях утрачивать документальный статус, трактуясь как-то иначе. Причем эту высокую степень абстрактности, свойственную исключительно теориям, автор пытается распространить на практическую область деятельности, апеллируя к гипотетическим сотрудникам библиотеки, отдела кадров и т. п.

Рассматривая относительность документа, Ю. Н. Столяров предлагает выделить в понятии «документ» общую и факультативную части. И третье – методологическое положение. В общей части предлагается указывать, что документ – это материализованная информация, а в факультативной – профильность и значимость данной информации. Так, например, документ библиотечного фонда – это материализованная информация, профильная и значимая для библиотеки, а документ музейного фонда – та же материализованная информация, но значимая уже для музея¹⁶.

Анализируя методологию документологии, наши украинские коллеги отмечают, что Ю. Н. Столяров доказал, что самой главной онтологической или сущностной функцией документа является информационная¹⁷. Но разве это уже не доказано Г. Г. Воробьевым, Р. С. Гиляревским, А. Д. Урсолом, К. Г. Митяевым, В. Н. Автократовым, О. П. Коршуновым и многими другими? Однако, если он имеет в виду тех ученых, которые вслед за А. В. Соколовым до сих пор считают, что информация – это фикция или метафора¹⁸, либо тех, кто рассматривает информацию в качестве проявления такого более общего феномена как коммуникация, то тогда необходимо об этом сказать. Другим важным достижением документологии Н. Н. Кушнарченко и А. А. Соляник считают тезис о том, что документ в самом широком значении является пустой абстракцией, которая в реальности не существует, и что документ существует лишь в рамках семантической системы, где он функционирует¹⁹. Скажем прямо, что любое теоретическое понятие

есть абстракция, которая создается искусственно в теоретических исследованиях. Что касается семантической системы, то точного ее определения в пособии мы не нашли.

Полагаем, что сущность методологической концепции документологии не в признании информационной природы документа, а в стратегии его исследования. Важно начать с уточнения того, что наука всегда стремится к точности и однозначности формулирования своих базовых понятий, которые являются фундаментом для последующих теоретических построений. Понятно, что в ряде случаев этого достичь сложно и ученые вынуждены допускать некий уровень неопределенности и относительности разрабатываемых ими научных понятий. Именно эта ситуация неопределенности в свое время сложилась в исследовании документа, когда его понятие было разделено на «широкий» и «узкий» смысл. Это было компромиссным решением, обусловленным текущей невозможностью сведения к «единому знаменателю» представлений о документе, накопленных в правоведе, историковеде, библиографоведе и других научных дисциплинах, а также в сферах практической деятельности. В результате подобного разделения возникло множество определений понятия документа, несогласованность и противоречивость которых существенно сдерживало формирование представлений о феномене документа. Шагом в направлении согласования стала разработка теории информации и признания информационной природы документа, что произошло во второй половине XX ст. Однако, несмотря на этот позитивный шаг, противоречия в трактовании документа сохранились.

Изменить сложившуюся ситуацию была призвана документологическая стратегия конструирования определения документа. Она заключается, во-первых, в принятии общей базовой части дефиниции документа. Ее содержание сведено всего лишь к двум признакам: наличие некой материализованной информации и ее востребованности. Наличие этих признаков в содержании, как правило, не вызывает возражений, однако оно очень абстрактно и поэтому нуждается в постоянном уточнении. Исправить ситуацию должно введение многочисленных факультативных ограничений, зависящих от сферы применения документа. И это второй элемент документологической стратегии. Ее применение, по мнению Ю. Н. Столярова, позволит разработать множество определений документа различного масштаба и отраслевой направленности, обладающих

единой базовой частью, обеспечивающей их общую гармонизацию. Потенциальная возможность таким способом продуцировать трактовки документа, по-видимому, должна придать документологической теории статус всеобщей. Каков потенциал этой стратегии, пока сказать сложно. Определенность наступит лишь после раскрытия содержания ее «*ноу-хау*» – процедур разработки, согласования и принятия факультативных ограничений. Нам представляется, что это достаточно сложный процесс, в рамках которого, во-первых, все должны признать информационную природу документа, и во-вторых, разработать методологию факультативных ограничений.

Помимо разработки этих методологических процедур необходимо также иметь в виду параллельное существование других стратегий исследования документа. В отличие от документологической методологии, нацеленной на сохранение и гармонизацию множества определений документа, другие стратегии ориентированы на разработку единого понятия «документ», в рамках которого все предыдущие понятия становятся либо его предельным случаем, либо отсекаются. Иными словами, начинают рассматриваться как устаревшие или даже ложные. В этом случае вместо гармонизации мы имеем дело с конкуренцией между отдельными теоретическими конструкциями и вытекающими из них трактовками документа. Эта стратегия носит эволюционный характер постепенного расширения в ходе поглощения одних теорий другими, либо в ходе их объединения.

Заметим, что лично придерживаемся именно этой «конкурентной» стратегии разработки теории документа и вытекающего из нее единого и конкретного понятия. Она заключается в том, что теория документа должна быть нацелена на раскрытие сущностных сторон документа, качественно отличающих его от других информационных объектов в рамках конкретной отрасли деятельности и в ее интересах. Именно поэтому она носит отраслевой статус, который, впрочем, не означает, что она не способна к расширению, например, за счет расширения самой предметной области или по иным причинам. В этом случае она принимает статус «общей». Такая стратегия ориентирована на более низкую степень абстракции теоретического восхождения, и, следовательно, предполагает формирование не одной, а нескольких теоретических конструкций документа, ориентированных на конкретные сферы деятельности и наборы сущностных признаков. Их преимуществом являются, во-первых,

ориентированность на сложившиеся потребности конкретных видов практики. Иными словами, в них теория документа носит вспомогательный характер, обеспечивающий в первую очередь проведение собственных, например, библиотечковедческих или архивоведческих исследований. Во-вторых, оперирование более простыми и понятными абстракциями. В качестве ограничений – противоречивость и вытекающая из этого конкуренция. Каковы же перспективы гармонизации? Скажем сразу, что полная гармонизация может иметь место в рамках философии информации и построения информационной картины мира, в контексте которой документальная картина является одним из ее сегментов. Что касается научных дисциплин, отнесенных к группе специальностей «документальная информация», то для них, мы полагаем, возможна лишь частичная гармонизация в ходе последовательного создания более общих междисциплинарных и, следовательно, междисциплинарных теорий. Резюмируя, отмечаем, что придерживаемся стратегии перехода от частных теорий к более общим теориям, и соответственно понятиям, а не наоборот. Какая из этих стратегий более эффективна, покажет время.

Ю. Н. Столяров предлагает подразделять документы на полноценные и неполноценные. Статус полноценного имеет всякий документ, имеющий для данной семантической системы набор признаков, позволяющих включить его в качестве элемента этой системы²⁰. Если диссертация соответствует требованиям ВАК, иллюстрирует данный тезис он, то это – полноценный документ, который будет принят к защите и наоборот. То же касается и колоды игральных карт, которая без одной из них обладает статусом неполноценности. При этом этот статус также относителен, т.е. один и тот же документ может быть для одного читателя полноценным, а для другого нет. Так, беловик (авторская рукопись, переданная в издательство) для автора – полноценный документ, а для издателя – неполноценный; книга в книжном магазине для всех является полноценным документом, а для библиотеки – неполноценным. Таковым он становится после допущения его к выдаче, что достигается в ходе его обработки. Неполноценной также является цифровая фотография, изображающая то, чего не было на самом деле²¹.

Начнем с того, что неполноценность как категория теоретического понятия, каковым по определению документологии является документ, достаточно необычна. Что такое непо-

лющенность? Полагаем, что это отклонение от некоего идеального образа или состояния, вызванное различными причинами. Поэтому неполноценность может иметь место исключительно в реальной жизни. Если же мы говорим о теории, а документология определяется Ю. Н. Столяровым как исключительно теоретическая дисциплина, то идеальные предметы не могут быть неполноценными. При изменении их сущностных признаков они просто становятся другими объектами. Так, например, «неполноценный» четырехугольник, у которого «пропадает» одна из сторон, становится «полноценным» треугольником, а если «рвется» связь между двумя сторонами, то он превращается в «полноценную» ломанную линию или кривую. Таким образом, ситуация с неполной колодой игральных карт иллюстрирует не нарушение полноценности документа как такового, а процесс постепенного разрушения объектов, что имеет место в повседневной жизни. И в этой ситуации он свойственен всем объектам от наночастицы до вселенной. Однако, возможно, Ю. Н. Столяров неполноценность рассматривает в том же контексте, что и классики марксизма-ленинизма, называя некоторые абстракции «пустыми и тощими»²². В этом случае как раз документ в самом широком смысле, оторванный от конкретной сферы его применения, и может рассматриваться как пустая и тощая абстракция.

И, наконец, третья часть пособия, состоящая из девяти лекций, посвящена анализу информационной и материальной структуры документа. В ней достаточно подробно анализируется перцептивная, номинативная, материальная, сигнатурная, семантическая, синтаксическая, темпоральная и прагматическая составляющие документа, а также их взаимосвязи. В этой части раскрываются технологические, знаковые, материальные и иные особенности различных видов документов и их элементов. Так, например, в лекции, посвященной сигнатурной составляющей документа, рассматриваются виды знаков, кодов, символов, используемых в современной документальной практике, а синтаксической составляющей – композиционное деление текста, титульного листа и других элементов документов различного вида. При этом, например, синтаксис делопроизводительного документа связывается с реквизитами и их расположением на листе бумаги²³. По нашему мнению, это наиболее емкая в содержательном плане и наименее дискуссионная часть работы.

В заключительной части нашей рецензии в плане научной дискуссии остановимся на

некоторых ключевых моментах пособия, уточнение и доработка которых, по нашему мнению, способствовали бы улучшению пособия.

В дидактическом плане следовало бы, во-первых, включить вводную лекцию, излагающую основы теории информации и социальных коммуникаций. Во-вторых, пересмотреть выбор иллюстративного материала, поясняющего основные положения документологии как всеобщей теорией документа. По нашему мнению, не стоит апеллировать к мнению гипотетических библиотекарей и других должностных лиц, поскольку они в ходе своей профессиональной деятельности оперируют конкретными видами документов в соответствии с требованиями, изложенными в нормативно-методических документах, тогда как всеобщая теория документа имеет дело с документом, как достаточно высокой абстракцией. С учетом этого примеры, взятые из существующих локальных документальных теорий и концепций, а также обобщение опыта социальных документных практик, выглядят методологически оправдано и как следствие – более убедительно. Полагаем, что социальная практика выступает одним из базовых критериев истинности теоретических положений, поэтому рассматривая ее отдельные проявления, например, в форме «бездокументарных ценных бумаг» в качестве оксюморона, т.е. остроумно-глупого выражения²⁴, автор заведомо снижает потенциал своей теории.

Подводя итоги рецензии, хотим подчеркнуть, что говорить о «триумфе документологической научной мысли на современном этапе ее развития»²⁵ еще преждевременно. Перспектива развития и институционализации документологии, как научной дисциплины, сейчас – это поле для дискуссий, на фоне которого публикация соответствующего курса лекций является значительным научно-педагогическим событием, способным внести определенную конструктивность в столь непростую дискуссию. И эта конструктивность заключается, во-первых, в том, что, как отмечает сам автор в первом приближении²⁶, им представлена новая концепция исследования феномена документа, заключающаяся в разработке его всеобщей теории. Во-вторых, в том, что материальные, информационные (семантическая, синтаксическая, прагматическая) и другие составляющие документа исследованы достаточно подробно и могут составить основу всеобщей документологической теории документа, как одной из возможных теорий на весьма широком пространстве наук о документе. Что

касается высказанных замечаний, то они, отражая сложность и противоречивость формирования теории документа, не умоляют значимость работы. Тот факт, что в течение длительного периода никто не смог написать подобной работы, прямо свидетельствует о сложности и значимости работы, проделанной Ю. Н. Столяровым. Нам представляется, что их выявление и разбор отдельных спорных моментов не обидят автора, а, наоборот, позволит ему либо скорректировать свои взгляды, либо уделить больше внимание аргументации своих взглядов. Полагаем, что рецензируемый курс лекций соответствует требованиям, предъявляемым к данному виду учебных изданий и может быть использован в учебном процессе. Он удачно вписался в систему дополнительного библиотечного профессионального образования, по крайней мере, в РГБ, и полагаем, что не менее удачно он может вписаться в качестве спецкурса для студентов, обучающихся в магистратурах и/или аспирантурах как России, так и Украины и способных к критическому освоению сложной, находящейся в стадии разработки документологической конструкции.

¹ *Столяров Ю. Н.* Документология : учеб. пособие / Московский гос. ун-т культуры и искусств; Орловский гос. ин-т искусств и культуры. – Орел : Горизонт, 2013. – 370 с.

² *Кушнарченко Н. Н., Соляник А. А.* Документология как фундаментальная наука: факт институционализации // Науч. и техн. б-ки. – 2013. – № 1. – С. 71–77.

³ *Добровольский В. В.* К вопросу о новом названии курса «Документоведение» // Библиотечное дело–2002. Библиотечное образование и практика : поиски взаимопонимания. – М., 2002. – С. 88; *Его же.* Грустные результаты беспредметной дискуссии (по поводу публикаций Ю. Н. Столярова в Сборнике «Научные и технические библиотеки», 2004, № 4) // Науч. и техн. б-ки. – 2005. – № 4. – С. 92–98; *Слободяник М. С.* Документология: Зміст. Перспективи // Бібліотекознавство. Документознавство. Інформологія : наук. журн. – К., 2004. – № 4. – С. 4–9; *Низовой Н. А.* Борьба за научную истину или за место под солнцем? Научные и нравственные аспекты дискуссии между книговедами и документоведами // Библиография. – 2006. – № 5. – С. 39–51; *Столяров Ю. Н.* Борьба за научную истину, а не за место под солнцем // Библиография. – 2007. – № 2. – С. 48–56; *Беспалова Э. К.* Какая истина разыскивается // Библиография. – 2007. – № 3. – С. 39–43; *Плешкевич Е. А.* Документология как научная дисциплина: потребность или искушение // Библиография. – 2007. – № 5. – С. 32–44; *Столяров Ю. Н.* Зачем документология нужна документоведению и зачем книговедению? Маленькая картинка для выяснения больших вопросов // Науч. и техн. б-ки. – 2006. – № 9. – С. 67–73; *Плешкевич Е. А.* О

блистательной эрудиции и кислых яблочках [о соотношении документологии с документоведением и книговедением] // Бібліотекознавство. Документознавство. Інформологія : наук. журн. – К., 2008. – № 1. – С. 26–30; *Низовой Н. А.* Кого защищает и за что и как борется «главный документолог»? (к завершению одной дискуссии) // Бібліотекознавство. Документознавство. Інформологія : наук. журн. – К., 2008. – № 2. – С. 75–87; *Столяров Ю. Н.* Почему документологическая дискуссия не состоялась // Бібліотекознавство. Документознавство. Інформологія : наук. журн. – К., 2008. – № 2. – С. 88–98; *Слободяник М. С.* Дискуссия должна стать конструктивной // Бібліотекознавство. Документознавство. Інформологія : наук. журн. – К., 2008. – № 2. – С. 88–100.

⁴ *Кулешов С. Г.* Документология як навчальний курс та наукова дисципліна // Студії з архів. справи та документознавства. – К., 2006. – Т. 14. – С. 58–61; *Документология : навч.-метод. посіб. для студ. вищ. навч. закл. напрямку 8.020105 «Документознавство та інформ. діяльність» / Рівнен. держ. гуманітар. ун-т ; авт.-уклад. Г. М. Швецова-Водка. – Рівне, 2011. – 111 с.*

⁵ *Гордукалова Г. Ф., Захарчук Т. В., Плешкевич Е. А.* Документоведение. Ч. 1 : Общее документоведение : учебник / науч. ред. Г. В. Михеева. – СПб. : Профессия, 2013. – 320 с.

⁶ *Илюшенко М. П., Кузнецова Т. В., Лившиц Я. З.* Документоведение. Документ и система документации. – М. : МГИАИ, 1977. – 132 с.; *Документоведение : учеб. для студ. высш. учеб. заведений / М. В. Ларин, В. Ф. Янковая [и др.]. – М. : Изд. центр «Академия», 2014 (в печати).*

⁷ *Столяров Ю. Н.* Документология. – С. 28.

⁸ Там же. – С. 17, 34.

⁹ *Кушнарченко Н. Н., Соляник А. А.* Документология как фундаментальная наука. – С. 72.

¹⁰ *Отле П.* Библиотека, библиография, документация: Избранные труды пионера информатики / Рос. гос. б-ка ; пер. с англ. и фр. Р. С. Гиляревского [и др.] ; предисл., сост., коммент. Р. С. Гиляревского. – М. : ФАИР-ПРЕСС : Пашков дом, 2004. – С. 196–197.

¹¹ *Столяров Ю. Н.* Документология. – С. 63.

¹² Там же. – С. 78.

¹³ Там же. – С. 129, 133.

¹⁴ Там же. – С. 132.

¹⁵ Там же. – С. 134.

¹⁶ Там же. – С. 134, 136.

¹⁷ *Кушнарченко Н. Н., Соляник А. А.* Документология как фундаментальная наука. – С. 74.

¹⁸ В одном из своих последних выступлениях А. В. Соколов отмечает, что информация есть метафора выражающая смысл в форме коммуникабельных знаков. См.: *Соколов А. В.* О взаимосвязях информатики и библиотековедения [Электронный ресурс] : Доклад на 11-м заседании семинара «Методологические проблемы наук об информации» (Санкт-Петербург, СПбГУКИ, 15 марта 2013 года). – Режим доступа: http://www.inion.ru/files/File/MPNI_11_Sokolov_A_V_Doklad.pdf. – Загл. с экрана.

¹⁹ *Кушнарченко Н. Н., Соляник А. А.* Документология как фундаментальная наука. – С. 74.

²⁰ *Столяров Ю. Н.* Документология. – С. 137.

²¹ Там же. – С. 142.

²² Не лишнее напомнить, что сущность метода Маркса заключается в том, что при пользовании абстракциями необходимо было предварительно решить принципиальный методологический вопрос о пределах абстрагирования: от чего можно и нужно абстрагироваться и от чего абстрагироваться нельзя. Абстракция должна быть, с одной стороны, проведена последовательно до конца, а с другой – не дальше известного предела, определяемого существом предмета исследования, выделением в нем ведущего момента внутренних про-

тиворечий. Абстракции, построенные с нарушением этого принципа, назывались классиками марксизма-ленинизма пустыми, ну и, естественно, их можно считать неполноценными.

²³ Столяров Ю. Н. Документология. – С. 237.

²⁴ Там же. – С.60.

²⁵ Кушнарченко Н. Н., Соляник А. А. Документология как фундаментальная наука. – С. 77.

²⁶ Столяров Ю. Н. Документология. – С. 8.

Представлена розгорнута рецензія на навчальний посібник з документології, підготовлений Ю. Н. Столяровим. Розкрито перспективи формування загальної теорії документа як однієї з документознавчих теорій і як навчального курсу.

Ключові слова: документ, загальна теорія документа, документологія, закони документології, Ю. Н. Столяров, викладання бібліотечно-бібліографічних дисциплін.

The detailed review to the textbook on documentology, conducted by Yu. Stolyarov, is presented. Prospects to form the general theory of the document as one of the records keeping theories and as an academic course has been revealed.

Key words: the document, the general theory of the document, documentology, the laws of documentology, Yu. Stolyarov, library-bibliographic academic subjects teaching.